

СОВМЕСТНЫЙ ИСХОД

...10 декабря 1989 г.

2–3 декабря состоялась встреча Горбачева и Буша на Мальте¹.

Новое мышление во вне продолжало менять мир, несмотря на аховое положение внутри страны.

Встреча на Мальте обозначила конец холодной войны. Каковы предпосылки «Мальты»? Они и психологические, и ситуационные (т.е. случайные), и, конечно, политические. Не буду их расставлять по ранжиру.

Прошел почти год с инаугурации Буша. Его предшественник и «наставник» Рейган во время своего второго президентства встречался с Горбачевым 4 раза. Буш, вступив в должность, сделал длительную «паузу» — для «анализа и выработки позиции». Это вызвало недовольство не только в Москве. Американская пресса начала жестко критиковать новую администрацию, подозревая в намерении прервать тенденцию к улучшению отношений с СССР. Сам Рейган, положивши начало этой тенденции, публично выразил недовольство «паузой».

В мае в Москву приехал госсекретарь США Джеймс Бейкер: пауза закончилась. Президент и он, Бейкер, при поддержке посла в СССР Джека Мэтлока и ряда своих сторонников, но при сопротивлении довольно авторитетных лиц в Белом Доме и в Конгрессе, пришли к выводу, что они в своей политике в отношении Советского Союза могут попробовать выйти «за пределы сдерживания» («containment»).

Другое обстоятельство, предопределившее Мальту, связано с бурными событиями в Восточной Европе, в странах-союзниках СССР.

Несмотря на то, что «имидж Горбачева» резко контрастировал с представлениями Запада о «советских вождях», несмотря на то, что его книга «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира» разошлась миллионными тиражами в десятках стран на разных языках, американская элита не могла позволить себе забыть о 1968 году в Праге. Получить уверенность, что подобного не произойдет, можно было только «на высшем уровне».

Побывав с визитом в Варшаве и соприкоснувшись напрямую с ситуацией в Восточной Европе, Буш пришел к выводу, что дело со встречей на высшем уровне не терпит отлагательства.

¹ Запись о ней сделана по возвращении в Москву. — А. Ч.

В июле в США «в гостях» у своего американского «аналога» генерала Скоукрофта (советник президента по национальной безопасности) побывал маршал Ахромеев. Кстати, произвел там сильное впечатление своей компетентностью, интеллигентностью и разумным подходом к проблемам контроля за вооружениями.

Буш попросил его, по возвращении домой, передать Горбачеву личное письмо, в котором и предложил встретиться накоротке, не дожидаясь официального визита Горбачева в Вашингтон (была его очередь).

Горбачев в начале августа ответил согласием, но выразил пожелание, чтобы встреча была не в США.

И тогда была придумана формула, которая устраивала обоих: к берегам Мальты подходят два военных корабля, советский и американский. Беседы проходят поочередно то на одном, то на другом. Никаких официальных церемоний, всего на два дня, минимум участников.

Даты были согласованы с учетом того, что у Горбачева на конец ноября был намечен официальный визит в Италию и в Ватикан. (Кстати, визит прошел в атмосфере невероятной массовой эйфории, где бы Горбачев ни появлялся).

1 декабря вечером мы прилетели из Милана в Валетту.

Встречало едва ли не все население главного острова. Президент и премьер во дворце Республики устроили торжественный прием... Но погода явно обещала испортиться. К счастью, Горбачев загодя на этот счет обеспокоился: еще в Москве распорядился подогнать к берегам Мальты не только крейсер «Славу», но и огромный пассажирский теплоход «Максим Горький», курсировавший в Средиземном море. Он должен был выполнять роль гостиницы для делегации и сопровождающих — по удачному прецеденту с подобным кораблем «Георг Отс» в Рейкьявике. Попрощавшись с мальтийскими хозяевами, мы сразу же направились туда, на весьма комфортабельный «борт».

Проснулись мы под рев и грохот мощного шторма. В иллюминатор было видно, как стоявший неподалеку наш ракетносец «Слава» и — чуть поодаль — американский крейсер «Белкнап» кидало из стороны в сторону как утлые суденышки. О переговорах там не могло быть и речи. Горбачев позвонил Бушу и предложил проводить всю встречу на теплоходе, который стоял прочно пришвартованный к пирсу. Его тоже качало, но не настолько, чтобы, идя между каютами, хвататься за стенки.

Джордж Буш, служивший во время мировой войны в морской авиации, не считал возможным подвергать «сухопутного» Горбачева опасности «прыгать» с крейсера на крейсер и обратно, согласился. И сам оба дня ловко проделывал эту

операцию. Мы не без восхищения наблюдали, как президент сверхдержавы ловко и быстро скользил по трапу в катер, как катер, то пропадая за гребнем волны, то возникая вновь, приближался к «Максиму Горькому», и Буш спортивно вбегал на палубу. Обрато — таким же образом!

Команду доставили отдельно и не так лихо, с бóльшими предосторожностями. В команду входили: Джеймс Бейкер, Brent Скоукрофт, Джон Сунуну — руководитель аппарата Белого дома, Денис Росс, руководитель штаба планирования политики в госдепе, Боб Блэквилл, специальный помощник президента по делам Европы, Бойден Грейс, советник в аппарате Белого Дома.

Команда Горбачева: Эдуард Шеварднадзе — член Политбюро, мининдел, Александр Яковлев — член Политбюро, секретарь ЦК, Анатолий Черняев — помощник Генсека по международным вопросам, маршал Сергей Ахромеев — советник Генсека по военным делам, Александр Бессмертных, зам. министра иностранных дел, Анатолий Добрынин — бывший посол в США, советник Генсека.

Собрались обе «команды» в подготовленной капитаном «Максима Горького» комнате — размером не больше, как мне показалось, 20 квадратных метров. Знакомимся, шутим насчет шторма, необычности обстоятельств встречи и т.п. Джордж Буш вдруг извиняется и просит «отпустить» его и Горбачева на несколько минут поговорить один–на один. Горбачев делает мне знак. Удаляемся в соседнюю каюту, более просторную и светлую, с мягкими креслами. Буша сопровождает Скоукрофт.

Президент и Генсек уселись вполоборота друг к другу (так были привинчены кресла) перед маленьким металлическим круглым столиком. Переводчики — за каждым из них. Мы с генералом поодаль на табуретках.

С первых слов стало ясно, что конфиденциальность нужна была, чтобы высказать претензии по ситуации в Центральной Америке². Но Горбачев перехватил у него инициативу и сам заговорил о Кубе. Он недавно там был и, вернувшись в Москву, написал Бушу письмо. Но только теперь он сообщил ему, что Кастро намекнул на желательность содействия Горбачева в нормализации отношений с США. «Я готов помочь, — закончил Горбачев, — но решать вам».

Хочу выложить, так сказать, на стол все карты по Центральной Америке и по Кубе, — резко отреагировал Буш. И продолжал (даю самое существенное):

Мы видим, что на фоне вашего движения вперед Кастро подобен якорю, который тормозит движение. Этот человек явно шагает не в ногу с теми процессами

² В это время еще продолжалась гражданская война в Никарагуа, куда шло оружие обеим сторонам конфликта. — А.Ч.

перемен, которые охватывают Советский Союз, Восточную Европу и наше полушарие. Демократические перемены чужды ему.

...Общественное мнение в США поддерживает Вас, решительно поддерживает перестройку, а также Вашу роль в развитии плюралистических процессов в Восточной Европе, роль, которая не сводится к сдержанности, а служит стимулом перемен. Но в глазах людей продолжение поддержки Фиделя Кастро сильно вредит Вам. Буду откровенен: это просто непонятно. Ведь он противостоит Вашему курсу.

Что ж, это плюрализм мнений, — бросил реплику Горбачев.

Было бы очень хорошо, если бы мы смогли найти способ, который позволил бы и вам прекратить эту чрезвычайно дорогостоящую и ничего не дающую для вас перекачку помощи. Эти миллиарды долларов вы могли бы использовать с большой выгодой для себя, а заодно снять серьезный раздражитель в советско-американских отношениях.

...Кастро застрял в каменном веке. Он даже не разрешает группе наблюдателей ООН посетить тюрьмы на Кубе. Многочисленные беженцы с Кубы создают у нас сильный эмоциональный настрой против него. Это тоже осложняет дело.

Горбачев спокойно выслушал эту филиппику и стал разъяснять президенту: он, мол, плохо представляет наши отношения с Кастро. Отношения с Кубой у нас сложились «на определенном этапе истории», кстати, «в условиях экономической блокады». Да, мы продаем Кубе товары по заниженным ценам. Но и импортом с Кубы мы удовлетворяем свои потребности в ряде очень важных для нас продуктах. Сейчас взяли курс на то, чтобы постепенно освободить экономические связи с нею от таких преференций.

А что касается политики, то нельзя забывать, что Куба — независимая страна со своим правительством, своими амбициями, своим пониманием вещей. Кастро отнюдь не является нашей марионеткой. И мы не собираемся учить Кубу. Пусть поступают как хотят.

Буш обещал посоветоваться со Скоукрофтом и другими, как поступить. «И, может, что-то сделаем, — пообещал он, — но при этом было бы полезно, чтобы кубинцы предприняли какие-то шаги в области прав человека по примеру Советского Союза».

Перешли к другим вопросам.

Никарагуа. Признали, что оружие поставляется не только с советской стороны. Согласились, что выход из гражданской войны — свободные выборы, любые результаты которых «США готовы признать».

Буш посетовал на критику в СССР его действий по захвату президента Панамы Норьеги, обвиненного в контрабанде наркотиков.

Горбачев поставил вопрос более широко и «в принципе», напомнив о вооруженном вмешательстве США не только в Панаме. «Разве для США, их президента не является барьером то, что речь идет о независимых странах? Почему США вершат суд, выносят приговор и сами его выполняют?».

Особенно задело Буша упоминание Горбачевым в этом контексте Филиппин. Он выразил «удивление»: там ведь была попытка свергнуть законно избранное правительство президента Акино. Она попросила помощи. Мы (США) оказали эту помощь: «Почему у Советского Союза это вызывает вопросы?»

Знаете, насмешливо реагировал Горбачев, начинают поговаривать, что на смену «доктрине Брежнева» появляется «доктрина Буша». ...Ведь посмотрите: в Европе происходят перемены, смещаются правительства, которые тоже были избраны на законном основании. И возникает вопрос: а если в этой борьбе за власть кто-то попросит Советский Союз вмешаться, то как нам действовать? Так же — как действует президент Буш?

Понятно.

Это «понятно!» американского президента прозвучало очень выразительно.

Горбачев решил сгладить остроту. Важно, мол, чтобы бурные перемены, которые сейчас развернулись повсеместно, проходили мирно...

Это благодаря вам, мистер Горбачев, они происходят мирно, — парировал Буш.

...И если мы не будем вмешиваться... Пусть народы сами, без вмешательства извне решают, как им быть. Ведь такие полковнички (которые захотят свергнуть правительство) и такие люди (которые будут просить защитить их) могут найтись в любой стране...

Буш все-таки попросил не критиковать его за акции, подобные филиппинским: ведь президент Акино за демократию, ей удалось скинуть диктатора Маркоса...

Перешли к событиям *в Восточной Европе*.

Поднял вопрос Горбачев и сразу попал впросак, заявив, что «некоторые американские политики мыслят преодоление раскола Европы на «западных ценностях» и рассчитывают на «экспорт американских ценностей».

Любопытная дискуссия на эту тему произошла, когда встретились делегации. Об этом — позже. Буш пока не реагировал и выслушал внимательно мнение Горбачева по «германскому вопросу».³

— Коль торопится, суетится, действует несерьезно, неответственно: эксплуатирует тему воссоединения в предвыборных (в бундестаг) целях», — начал Горбачев. Это что же будет — единая Германия? Будет ли она нейтральной, не принадлежащей к военно-политическим союзам, или членом НАТО? Думаю, мы должны дать понять, что и то, и другое было бы преждевременно сейчас обсуждать. Пусть идет процесс, не надо его искусственно подталкивать.

Не мы с вами ответственны за раздел Германии. Так распорядилась история. Пусть же история распорядится этим вопросом и в будущем. Мне кажется, у нас с вами есть на этот счет взаимопонимание.

Буш оправдывал Коля, ссылаясь на «естественные эмоции». Позицию свою не проявил, дважды напомнил (о чем, мол, Горбачев и сам знает), что его, Буша, союзники по НАТО, «на словах выступая в поддержку воссоединения, встревожены этой перспективой».

Последовал такой диалог:

ГОРБАЧЕВ. В отличие от ваших союзников и Вас я говорю открыто: есть два германских государства, так распорядилась история. И пусть история же распорядится, как будет протекать процесс и к чему он приведет в контексте новой Европы и нового мира.

...В общем, это тот вопрос, где мы должны действовать максимально внимательно, с тем чтобы не был нанесен удар по переменам, которые сейчас начались.

БУШ. Согласен. Мы не пойдем на какие-либо опрометчивые действия, не будем пытаться ускорить решение вопроса о воссоединении...И в то же время им приходится думать о том времени, когда понятия ФРГ и ГДР уйдут в историю. Я в этом вопросе буду действовать осторожно. И пусть наши демократы обвиняют меня в робости. Я не собираюсь прыгать на стену⁴, потому что слишком многое здесь поставлено на карту...

Я не буду поддаваться соблазну действий, которые выглядят красиво, но могут иметь опасные последствия.

³ Встреча происходила менее чем два месяца спустя после падения «Берлинской стены» и месяц после того, как канцлер Коль выступил в бундестаге со своими знаменитыми «10-тью пунктами», фактически предложив ускоренное превращение ГДР и ФРГ в «конфедерацию». — *А. Ч.*

⁴ Имеется в виду «Берлинская стена». Намек на то, что проделал президент Рейган, посетив Берлин. — *А. Ч.*

ГОРБАЧЕВ. Правильно. Ведь время, в которое мы живем, не только многообещающее, но и очень ответственное.

Такая покладистость Буша объясняется не только тем, что он не хотел провоцировать Горбачева на какие-то ответные действия в случае американского вмешательства. По нашим данным (и Горбачев был с этим согласен), в тот момент американцы еще не определились, выгодно ли им или нет возникновение единой Германии, особенно учитывая упомянутую выше позицию союзников по НАТО (Англии, Франции, Италии...).

Вернулись в каюту, предназначенную для переговоров. Делегации лицом к лицу за узеньким длинным столом — так, что, если положить локти на стол, коснешься локтей визави. Главы посередине, тоже друг против друга.

Горбачев как «принимающая сторона» произнес приветственную речь. Подчеркнул значение подобных встреч в такой момент (!), на таком «бурном и ответственном этапе мирового развития». Похвалил Буша за инициативу.

Отвечая, Буш разделил инициативу пополам и сразу же обозначил переломный характер встречи. «Когда по пути из Парижа в Вашингтон летом этого года, — сказал он, — я редактировал в самолете проект моего письма к Вам по вопросу об этой встрече, я отдавал себе отчет, что меняю свою прежнюю позицию на 180°. Это изменение в нашем подходе нашло понимание у американского народа».

Тут же попросил начать обмен мнениями первым.

Первым пунктом («инициативой») было — отношение к перестройке. Буш произнес слова, знаменательные для наследника «крестового похода» против СССР, лидера Соединенных Штатов и НАТО: «Мир станет лучше, если перестройка увенчается успехом. Еще некоторое время тому назад в США было много сомневающихся на этот счет. ...Но можно со всей определенностью говорить, что серьезные, думающие люди в США подобных взглядов не поддерживают.

На эти изменения в умонастроениях у нас воздействуют перемены в Восточной Европе, весь процесс перестройки. Конечно, среди аналитиков и экспертов есть различные точки зрения. Но Вы можете быть уверены в том, что имеете дело с администрацией США, а также с Конгрессом, которые хотят, чтобы ваши преобразования увенчались успехом».

Затем Буш пошел по конкретным пунктам.

Об официальном визите Генсека в Вашингтон: договорились на июнь 1990 года. О графике регулярных встреч министров иностранных дел.

Об экономических отношениях: администрация предпримет шаги, с тем чтобы была приостановлена «поправка Джексона–Вэника», закрывающая предоставление СССР режима наибольшего благоприятствования. Готова будет к заключению нового торгового договора, как только СССР примет закон «о въезде и выезде». Будет добиваться отмены поправок «Стивенсона и Бэрда», запрещавших предоставление кредитов Советскому Союзу. Отказывается от возражений против принятия СССР в ГАТТ (пока в качестве наблюдателя).

Уже создана, отметил президент, советско-американская рабочая группа по проблемам инвестиций, и США будет приветствовать, если она быстро договорится «о гарантиях капиталовложений».

Свой «экономический пакет» Буш сопроводил примечательным комментарием.

«Эти меры отнюдь не направлены на то, чтобы продемонстрировать американское превосходство... Мы стремились составить наши предложения таким образом, чтобы не создавалось впечатления, будто Америка «спасает» Советский Союз. Мы говорим не о программе помощи, а о программе сотрудничества».

Права человека. Буш поставил этот вопрос очень миролюбиво: предложил договориться, чтобы все вопросы разъединенных семей были решены к приезду Горбачева в Вашингтон. Бейкер вручил список «еще» из 20 фамилий.

Региональные проблемы. Буш передал просьбу некоторых латиноамериканских президентов надавить через Горбачева на Кастро, чтобы он прекратил «экспорт революции» и поставки оружия. Предложил совместно, вдвоем, обратиться к сандинистам с призывом провести свободные выборы в Никарагуа. Повторил свою просьбу дать из Москвы сигнал Кастро, что «не будет все по-прежнему».

Вопросы разоружения. Начал Буш с химического оружия. Предложил к приезду Горбачева в Вашингтон подготовить (и там подписать) договор о сокращении имеющихся запасов на 20%, а спустя 8 лет после заключения международной конвенции — до 2%.

Горбачев согласился, подчеркнув особо, что США отказываются «в этом контексте» от производства бинарного оружия и поддерживают меры по нераспространению химического оружия.

Обычные вооружения. Буш предложил к исходу 1990 года подписать общеевропейское соглашение. Горбачев ответил одной фразой: «Наши подходы тут совпали».⁵

По СНВ (тяжелое ядерное оружие). Буш и по этому вопросу предложил завершить переговоры в Женеве к визиту Горбачева в США и подписать там договор. При этом он сообщил, что США снимают прежнее свое условие — о запрете советских МБР (мобильных баллистических ракет). Попросил не модернизировать самые мощные наши межконтинентальные ракеты СС-18. Горбачев в ответ напомнил об огромном преимуществе американцев в КРМБ (крылатые ракеты морского базирования), за которые их переговорщики яростно держались в Женеве.

Буш, далее, выразил готовность подписать в Вашингтоне протокол о подземных ядерных взрывах.

Попросил Горбачева решить вопрос публикации реальных данных о советском военном бюджете — «с целью укрепления взаимного доверия». Между прочим, задолго до Мальты, Горбачев не раз ставил этот вопрос на Политбюро: надо снять нелепость, над которой потешалась западная пропаганда, — как это Советам удастся держать равенство своих вооруженных сил с американскими, имея военный бюджет в пять раз меньше, чем США!?

Буш информировал о работе, которая по поручению администрации ведется по экологическим проблемам, и пригласил Горбачева действовать «вместе», имея в виду глобальный характер проблемы.

В заключение предложил довести обмен студентами в 1990–91 годах до 1000 с каждой из сторон. От участия молодежи, подчеркнул он, «многое зависит в развитии нашего взаимодействия».

Так выглядели «инициативы» Соединенных Штатов, привезенные на Мальту.

Для всех нас, включая Горбачева, они явились, надо признаться, неожиданностью. Особое впечатление произвело то, что это была не просто декларация о стремлении изменить к лучшему отношения с СССР. Это была совершенно конкретная — по пунктам и проблемам — программа.

Горбачеву с ходу пришлось менять акценты и вносить коррективы в содержание своей ответной речи, основные идеи которой продумывались еще в Москве.

⁵ Напомню: в ноябре 1990 г. во время Общеевропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Париже такое соглашение было подписано 23 странами Европы. — А.Ч.

Начал он с несколько торжественной констатации: то, что мы услышали, означает, что *«администрация президента Джорджа Буша определила свою политическую линию на американско-советском направлении»*.

Потом высказал «ряд замечаний общего философского плана». Вот основные: Опыт «холодной войны» требует изменения подходов к мировой политике. Ставка на силу, на военное превосходство и связанная с этим гонка вооружений себя не оправдали.

Не оправдала себя и ставка на конфронтацию по идеологическим причинам, в результате чего мы только и занимались тем, что ругали друг друга. Подошли к опасной черте. И хорошо, что сумели остановиться. В стратегическом плане методы «холодной войны» и конфронтации потерпели поражение».

Проблемы экологии приобрели такой масштаб, что встал вопрос о выживании человечества.

Знаю, что Вам приходится выслушивать представителей различных кругов. Однако Ваши публичные заявления и конкретные предложения, с которыми Вы выступили сегодня, означают, что у президента Буша сложилось определенное представление о мире, и оно адекватно вызовам времени. Это очень важно».

Затем Горбачев охарактеризовал «крупную перегруппировку сил» в мире. Обозначил роль интегрированной Западной Европы, Японии, Китая («это — крупнейшая реальность, которую ни мы, ни вы не должны эксплуатировать друг против друга»), Индии, Восточной Европы в новом ее качестве, новых мощных экономических процессов, меняющих весь образ жизни людей и наций.

Перед лицом всех этих перемен, заявил Горбачев, «США и СССР просто обречены на диалог, взаимодействие, на сотрудничество. Иного не дано. *Но для этого надо избавиться от взгляда друг на друга как на врагов»*.

При этих словах Буш встал и протянул через стол руку Горбачеву. Момент, надо сказать, волнующий: в самом деле — две сверхдержавы, 45 лет державшие весь мир в напряжении конфронтацией друг с другом, *отказались считать себя противниками*.

Позвали фотографа. Генсек и президент повторили «позу». Снимок этот обошел все газеты мира.

Горбачев вернулся к этой теме и на второй день встречи, еще четче выразил свою позицию. «Новый президент США должен знать, что Советский Союз ни при каких обстоятельствах не начнет войну. Это настолько важно, что я хотел лично повторить это Вам. Более того, СССР готов больше не считать США своим

противником и публично заявить об этом. Мы открыты для сотрудничества с Америкой, включая сотрудничество в военной области. Это первое.

Второй момент. Мы за то, чтобы совместными усилиями обеспечить взаимную безопасность. Советское руководство привержено продолжению процесса разоружения по всем направлениям. Считаем необходимым и срочным выйти за пределы гонки вооружений и предотвратить создание новых экзотических видов вооружений».

Продолжая реагировать на «инициативы», Горбачев говорил:

«Все это не означает, что мы предлагаем советско-американский кондоминиум. Речь идет о реальностях. И это вовсе не ставит под сомнение союзнические связи, сложившееся сотрудничество с другими странами.

Вы ставили вопрос: какой Советский Союз выгоден США — динамичный, прочный, стабильный или наоборот. Я в курсе советов, которые Вам дают. Что касается нас, то мы заинтересованы в том, чтобы США с точки зрения решения своих задач национальной безопасности и прогресса чувствовали себя уверенно. Я считаю, что другой подход опасен. Ставка на игнорирование интересов США в мире — опасная политика.

Но и США должны считаться с интересами других стран. Между тем есть еще желание учить, давить, наступать на горло. Это еще есть. Мы все это знаем».

На это Буш среагировал сразу. Напомнил о своей сдержанной реакции на падение Берлинской стены, подтвердил, что не намерен эксплуатировать — ни политически, ни пропагандистски — события в Восточной Европе в ущерб Советскому Союзу.

— Это мы видим и оценили, — бросил реплику Горбачев.

Горбачев «прошелся» по всем конкретным «инициативам», изложенным во вступительной речи Буша, выразил удовлетворение ею, но и отметил: это только еще «планы», за которыми мы ждем конкретный действий, а со своей стороны будем идти навстречу и создавать у себя условия для их успеха. Он подробно и откровенно рассказал о том, как идет перестройка, на какие трудности и проблемы, особенно в сфере экономики, она наталкивается.

Шумным оживлением закончился первый раунд встречи на Мальте. Горбачев пригласил всех на ланч.

Под впечатлением открытости, с какой Горбачев рассказал о перестройке, американцы, отложив ножи и вилки, бросились «учить», как лучше и быстрее осуществить реформу экономики. Особенно горяч был — в несвойственной ему обычно манере — Бейкер, бывший министр финансов, экономист и юрист по

образованию. Сыпали примерами из собственного опыта, из европейского. Убеждали, что надо быстрее решать вопрос с ценами («Вы уже опоздали!»), открывать простор реальному рынку, налаживать банковскую, налоговую систему и т.п. Горбачев отбивался, доказывая им, что рынок по-американски и рынок по-русски — это все-таки «две большие разницы», с учетом того, откуда и куда мы идем, и какая мы страна, что мы испытали за XX век... Американцы продолжали ему разъяснять «абсолютные» законы рынка...

Я смотрел на эту дружескую (!) перепалку в полном ошеломлении: представители «американского империализма» искренне (у меня не было в этом ни малейшего сомнения!) хотят, чтобы у нас наладилась и пошла экономика, чтобы мы быстрее справились с трудностями и т.д.

Закрыв глаза и затыкая уши, когда звучала английская речь, можно было подумать, что присутствуешь на Политбюро ЦК КПСС, где все озабочены судьбой страны, спорят, убеждают друг друга, доказывают свою правоту и т.п.

Как жаль, что на этом ланче не было «других» членов Политбюро, которые, несмотря на очевидное изменение мировой ситуации за 4 года перестройки, не научились воспринимать западных деятелей, подобных Рейгану, Бушу, Шульцу, Бейкеру, Колю, Тэтчер и т.д., и т.д., как нормальных здравомыслящих людей, по-человечески совсем не плохих, хотя они и оставались политиками своей страны.

Вечером Горбачев устроил «товарищеский ужин» в ресторане теплохода для всех многочисленных сопровождающих — ученых, журналистов, экспертов и персонала всяких служб. Это у него вошло в обычай — с самого первого его крупного заграничного визита (в Женеву для первой встречи с Рейганом). Как правило, на таких собраниях за вином развязывались жаркие дискуссии по самым неожиданным темам. На этот раз — в атмосфере происходящего на этом корабле, которую все ощущали, не зная «подробностей», — разгорелся спор о 1968 годе, об интервенции в Чехословакии. И уввы! Я обнаружил, что спустя 20 лет не все сопровождающие интеллигенты-перестройщики, а Горбачева сопровождали только такие, готовы были раскаяться в содеянном их «державой».

Второй день встречи проходил опять на борту «Максима Горького», хотя очередь была за Горбачевым переместиться на «американскую территорию». Президенту опять пришлось «прыгать» с корабля на корабль.

Встречая Буша, Горбачев пошутил: «Как бы там ни было, сегодня я ваш гость».

Буш не остался в долгу: «А мне понравился «мой корабль»!

Переговоры начались с выражения взаимной удовлетворенности первым днем встречи.

Буш поставил вопрос — что будем сообщать прессе по итогам? Горбачев предложил провести совместную пресс-конференцию тут же на борту. Ни один американский президент (ни даже госсекретарь) ни разу еще не позволял себе подобного «акта доверия» в отношении советских деятелей. Буш поколебался, но согласился, добавив, что «потом он отдельно ответит на вопросы своих журналистов». На том и порешили.⁶ Символический прецедент состоялся сразу по окончании встречи.

Горбачев начал с характеристики новой, советской «оборонительной доктрины», составленной в не конфронтационном духе. Первые шаги по ее реализации уже сделаны. Однако он, Горбачев, не увидел в недавней Брюссельской декларации никаких подвижек в стратегической доктрине НАТО, принятой 20 лет назад... И это несмотря на то, что уже осуществляется Договор об РСМД.⁷ Высказал недоумение отказом США включать в переговоры о стратегическом ядерном оружии (СНВ) «один из трех его компонентов — военно-морские силы». С конца 50-х годов СССР буквально окольцован сетью военных баз, заявил Горбачев, и передал президенту карту, где обозначены пункты этого «военного окружения СССР» (по данным советской разведки).

Буш принял вызов. Обещал проверить данные, обозначенные на карте.⁸

Договорились о том, чтобы министры и эксперты проработали все вопросы взаимосвязи между будущим договором об СНВ и Договором по ПРО 1972 года, развязали узлы в правилах зачета тяжелых бомбардировщиков и стратегических ракет воздушного базирования, сбалансировали числа боеголовок, которые может нести на борту каждый самолет, поразмышляли о проблемах тактического ядерного оружия.

Подробно обсуждались исходные позиции для подготовки Договора о сокращении обычных вооружений и вооруженных сил в Европе. Назывались цифры. Горбачев предложил сократить по миллиону из личного состава с каждой стороны, а численность войск на иностранной территории ограничить планкой — 300.000.

⁶ Горбачев поступил так же. — *А. Ч.*

⁷ Подписан в Вашингтоне при Рейгане в 1987 году — первый договор уже не о контроле за ядерным оружием, а о ликвидации целого класса такого оружия — ядерных ракет среднего и меньшего радиуса действия. — *А. Ч.*

⁸ Встретившись с Горбачевым в Лондоне летом 1991 года (по случаю заседания «большой семерки»), Буш, смеясь, подтвердил «правильность карты» и похвалил советскую разведку. — *А. Ч.*

Договорились поручить военным встречаться возможно чаще, чтобы совместно, регулярно и компетентно отслеживать процессы поддержания обоюдной безопасности.

Суммируя, Горбачев заявил: «Хочу еще раз со всей силой подчеркнуть: мы настроены на мирные отношения с США. И именно исходя из этой предпосылки, предлагаем трансформировать нынешнее военное противостояние. Это — самое главное. Ведь, как принято говорить, один раз в пять лет ружье само стреляет. Чем меньше оружия, тем меньше возможность случайной катастрофы. При этом безопасность США, американских союзников ни на миллиметр не должна быть меньше нашей собственной безопасности».

Состоялся «концептуальный разговор» по европейским делам.

«Мы были потрясены стремительностью разворачивающихся перемен в Восточной Европе», — начал Буш. — И не хотим оказаться в позиции, которая выглядела бы провокационной».

Но попросил Горбачева высказаться по поводу «возможности движения за пределы статус-кво» (т.е. о незыблемости границ в Европе, санкционированных Хельсинкским актом 1975 года).

Горбачев отвечал пространно. Подтвердил необходимость и целесообразность «вовлеченности» США в европейский процесс. «По-другому смотреть на роль США в Старом свете — нереально, ошибочно, наконец, неконструктивно. Это Вы должны знать, это наша фундаментальная позиция».

Подчеркнул значение и позитивный характер европейской интеграции, в том числе, в масштабах всего континента. Напомнил о своей идее «общеевропейского дома» и посоветовал Шеварднадзе и Бейкеру поглубже разобраться в его проблематике и перспективах.

Высказался за созыв в ближайшее время «Хельсинки-2».

Поскольку НАТО и ОВД — институты «холодной войны», Горбачев предложил вместе подумать об их реконструкции, освобождении от конфронтационной природы, о превращении их в преимущественно политические организации.

И вот тут он вернулся к вопросу о том, на базе каких ценностей преодолеть раскол Европы. Упрекнул собеседников в том, что они склонны навязывать этому процессу «западные ценности». Если, мол, так пойдет, это может стать серьезным препятствием для советско-американского сотрудничества в европейских делах, тем более, что процессы здесь могут пойти «далеко небезболезненно, приобретать

непредсказуемую остроту» — ведь они «затрагивают, — подчеркнул он, — фундаментальные вещи, втягивают миллионы людей, целые народы с разной историей, культурой, религией, национальными особенностями».

Буш согласился с такой оценкой, но попросил разъяснить, почему Горбачев «озабочен западными ценностями» и чем они отличаются от «общечеловеческих», к которым Горбачев вроде привержен.

Развернулась бурная (и я бы сказал сумбурная) дискуссия. Горбачев настаивал на «свободе выбора» — американцы соглашались. Он за плюрализм, за свободу мысли и слова — это и наша точка зрения, отвечали американцы. Осуждал «вмешательство в чужие дела» — американцы тоже за это «в принципе». Яковлев поставил под сомнение правомерность термина «западные»: тогда, мол, надо признать «восточные», «южные» и т.п. ценности.

Шеварднадзе, что называется, перешел «на личности», обвинив собеседников в том, что в их среде ходит точка зрения, будто перемены в СССР — результат западной политики с позиции силы.

Буш решил охладить пыл: «Давайте избегать неосторожных слов и больше говорить о содержании ценностей». Горбачев подхватил брошенный мяч: «Мы начинаем органически интегрироваться, освобождаясь от всего, что нас разделяло. А как это будет называться в конечном счете?.. Давайте не будем вести дискуссию на церковном уровне!»...

Бейкер забил последний гвоздь: «Может быть, в порядке компромисса лучше говорить, что позитивный процесс идет на основе *демократических ценностей?*».

Все согласились, к всеобщему удовлетворению. На том и закончилась, кажется, последняя на высшем уровне идеологическая «схватка» с «американским империализмом»...

Оставались еще *региональные проблемы* (помимо Центрально-американских, которые США не считала «региональными» в том смысле, что ими могут заниматься и другие державы!).

Сначала — *Ближний Восток*. Буш сообщил, что его администрация отошла от безоговорочного одобрения израильской политики. «Уверен, — добавил он, — что Вы обратили внимание на то, что наша политика на Ближнем Востоке развернулась в сторону взаимодействия с Советским Союзом». Высказался за скорейшее восстановление дипломатических отношений СССР с Израилем. Горбачев сказал, что тут уже нет проблемы. Главные — посадить Израиль за один стол с арабами. И надо спешить. Одобрил начавшиеся консультации по этому вопросу между Шеварднадзе и Бейкером.

Порешили ускорить поиск пути «к стимулированию мирного урегулирования» на Ближнем Востоке.

Последней была проблема *Афганистана*. Советских войск уже не было в этой стране, но пылала еще более жестокая гражданская межплеменная война. Судьба Наджибуллы, возможности формирования коалиционного правительства и проведения международной конференции под эгидой ООН, содержание переходного периода, поставки оружия... — все это обсуждалось в режиме перепалки, обвинений за прошлое, признаний, что прогнозы и тех и других неоднократно проваливались и т.п. Шеварднадзе даже позволил себе «пошуметь» на Бейкера, пользуясь тем, что после их встречи в Вайоминге летом 89 года между ними уже сложились дружеские отношения.

Ни к чему в общем-то не пришли. И это понятно: ситуация в Афганистане вышла из какого бы то ни было международного контроля.

Убежден! Мальта открыла принципиально новый этап в отношениях между СССР и Америкой.

Был создан прецедент «политического на высшем уровне импульса» к развитию нормальных экономических отношений и даже сотрудничества.

Доверие — важнейший *новый* фактор мировой политики, проклюнувшийся еще при Рейгане, — заработал благодаря Мальте в полную силу.

Отказ от идеологического подхода к внешней политике, провозглашенный в ООН'овской речи Горбачева за год до этого, получил на Мальте практическое воплощение — в решающем звене мирового развития.

Встреча на Мальте — повторю, с чего начал, — это и символ, это и по сути конец холодной войны.